

ЕВРОПЕЙСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ВИРТУАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

В нашей предыдущей статье¹ была рассмотрена связь виртуалистики и постнеклассической научной рациональности. Мы обосновывали тезис, согласно которому постнеклассическая наука, имея дело с истиной и, одновременно, будучи особой формой технонаучной культуры нашей техногенной цивилизации, призвана формировать нового трансдисциплинарного субъекта, ответственного перед истиной и открытого для диалога с трансцендентальным субъектом духовной культуры человека, несущего ответственность за истину человеческого бытия в развивающемся мире. В этой статье мы продолжим обозначенную тему — удерживая интуиции об открытости постнеклассической рациональности субъективным ценностям и о конструктивистских характеристиках виртуальных реальностей (порожденность, актуальность, автономность, интерактивность), мы рассмотрим проблематику виртуальной субъективности и интерсубъективности в коммуникативной перспективе многократной и нелинейной рефлексии виртуального субъекта, которая становится все более востребованной в реальности, пронизанной современными информационными технологиями. Как нам представляется, для этого важно полноценно учесть существующие в современной философии традиции и тенденции разбора самого понятия субъективности.

Начнем с того, что понятие «виртуальный субъект», ставшее в последнее время весьма популярным, до сих пор не имеет устойчивой интерпретации, дающей четкое представление о его месте в виртуальной реальности. Весьма распространенная его трактовка — это специфическое представление о фантоме, замещающем индивидуальное человеческое сознание на уровне восприятия (Ж.Бодрийар). Но такое представление сопряжено с очевидной деперсонализацией восприятия, из чего следует, что виртуальный субъект, в свою очередь, уже не может иметь никакой полноценной картины мира. Ему свойственна неподлинность; его активность может быть лишь имитационной. Совершенные виртуальным субъектом действия не являются полноценными действиями. Применяя ставший популярным до расхожести (в том числе и на этой почве) термин, можно сказать, что виртуальный субъект — это симулякр. Так понимаемый виртуальный субъект — это субъект некоторой виртуальной реальности как неподлинной реальности, в которую погружается реальный субъект. Для последнего это означает в конечном счете саморазрушение.

Суть понятия "симулякр" меняется в зависимости от модели применения — репрезентативной или нерепрезентативной. В контексте репрезентативной модели симулякр выступает как копия копии, искажающую свой прототип, а поскольку истинность в этой парадигме определяется корреспондентно, исходя из сходства или несходства вещи с идеей, то симулякры являются неподлинными, и отсутствие у них самоотждествленности делает их неспособными выступать в качестве рациональных

¹ Аршинов В.И., Лебедев М.В. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии. // Философские науки, 2007, №2.

субъектов познания и действия. И напротив, в нерепрезентативной модели отвергается эквивалентность знака своему референту и зависимость полноценности его онтологического статуса от этого соответствия. На это направлен, в частности, подход Ж.Делеза, согласно которому симулякр — это не просто копия копии, так как он ставит под вопрос само понятие модели и копии². Последние различны по самой своей природе, ибо симулякр, в отличие от копии, которая живет подобием, создает лишь внешний эффект сходства, а на самом деле обнаруживает свою подлинную сущность в расхождении, становлении, вечном изменении и различии. С такой точки зрения, виртуальная реальность может быть интерпретирована как организованное пространство симулякров — "отчужденных знаков", которые, в отличие от знаков-копий, фиксируют не только сходство, но и различие с референтной реальностью, формируя поле компетенции виртуального субъекта.

Далее на этом пути, на основе сходных, но более активистских интуиций конституируется подход, который можно назвать деятельностным. Известно его представление, которое дает Н.А.Носов³: согласно ему, виртуальный субъект меняет систему своего мышления в соответствии со спецификой объекта. «Виртуальный» здесь выступает в качестве предиката, который, будучи приложенным к отдельному объекту, преобразует его в ранг субъекта, наделенного особыми качествами, позволяющими этому субъекту принимать активное участие в преобразованиях и взаимодействиях с другими объектами бытия.

Для того, чтобы сопоставить эти трактовки и по другим параметрам, вернемся к генезису понятия "виртуальность" в современной физике. Здесь характерен пример из области квантовой электродинамики, где понятие "виртуальность" применяется к фотону, выступающему в качестве переносчика электромагнитного взаимодействия между двумя электронами. Участвующий во взаимодействии фотон как бы нарушает закон сохранения энергии, но все дело в том, что он существует в течение весьма короткого промежутка времени и не фиксируется средствами наблюдения как отдельная частица; поэтому его называют "виртуальным", в отличие от свободного фотона, регистрируемого прибором. Описание электромагнитного взаимодействия электронов посредством обмена виртуальными фотонами в рамках квантовой электродинамики вовсе не предполагает, что виртуальный фотон есть фиктивная, мнимая сущность, не существующая в действительности и вводимая лишь ради его удобства. Как таковой он не фиксируется отдельно внешним макроскопическим наблюдателем из классического «внеквантового» уровня бытия. Именно фотон является не только объектом, но и субъектом взаимодействия, коммуникативно связывающего оба электрона. Подчеркнем, что предикат "виртуальный" используется в данном контексте в полном соответствии со своей этимологией: характеризуемый им субъект существует в действительности и является носителем особого рода коммуникативной синергии, позволяющей ему не только активно взаимодействовать с другими объектами, но и связывать их в систему.

Возникающие здесь сложности онтологического статуса квантовой механики связаны с невозможностью естественным образом включить в теорию квантовомеханического измерения процедуру выбора альтернативного результата измерения, которая технически описывается как редукция состояния измеряемой системы. Последняя ведет к необходимости явным образом включить в рассмотрение сознание

² Делез Ж. Симулякр и античная философия. // Логика смысла. М., 1995. С. 333.

³ См., напр.: Носов Н.А. Виртуальная реальность. // Вопросы философии, 1999, № 10.

наблюдателя и является мотивом для принятия многомировой интерпретации квантовой механики. «В этой интерпретации все возможные результаты измерения квантовой системы рассматриваются как равнореализуемые. Отвергается обычное представление, будто лишь один из возможных результатов реализуется, а остальные являются потенциальными возможностями. Эта интерпретация предполагает, что редукция вообще не происходит, так что в сумме векторов, о которой говорилось выше, сохраняются все слагаемые. То явление, которое описывается как редукция вектора состояния, является лишь кажущимся, т.е. связано с *сознанием наблюдателя*.»⁴ Таким образом, представление о виртуальном субъекте приобретает новое коммуникативное измерение, связанное с постнеклассической научной картиной мира.

Ситуации в квантовой механике можно сопоставить другую, связанную с понятием виртуальной вычислительной машины. Последняя представляет собой устоявшийся прием, успешно используемый в современном программировании. Вычислительная среда виртуальной машины представляет собой совокупность иерархических слоев, а особенность структуры состоит в том, что совокупность нижних уровней предоставляет слою верхнего уровня все необходимые и достаточные средства для реализации вычислительных процессов. При этом вычислительный процесс не имеет никаких специально выделенных средств для определения внутренней природы, предоставляемых ему в его специфически детерминированном слое ресурсов, и пользуется ими лишь как средствами, непосредственно присущими слою его уровня. В этом примере виртуальный субъект не только сохраняет, но и расширяет свои свойства.

Модель виртуального субъекта допускает, как представляется, и социокультурную проекцию со специфическим, отчасти симметричным транспонированием интенций. Этот вопрос поднимает, например, В.М.Розин: "Виртуальный субъект похож на обычного человека не во всем. Он больше соответствует, с одной стороны, социальным требованиям и сценариям, с другой – желаниям (идеалам) самого заказчика... Нельзя ли тогда предположить, что виртуальный субъект – это не только семиотическая конструкция и миф, но и полноценная форма культурной жизни, что кроме нас с вами в культуре живет также виртуальное человечество."⁵ Нельзя не согласиться с тем, что виртуальный субъект представляет собой нечто большее, нежели сугубо умозрительная конструкция. Однако при попытке дальнейшей интерпретации этого понятия в сфере гуманитарных наук, и прежде всего философии, возникают проблемы, связанные с той масштабной критикой, которой подверглась идея субъективности в XX веке. Мы полагаем, однако, что в современных дискуссиях о виртуальном субъекте эта критика представлена несколько односторонне — ограничиваясь, как правило, постмодернизмом, его концепциями симулякра и постинформационного общества. Однако постмодернистской критике предшествовала более фундаментальная — аналитическая и феноменологическая, и поэтому в данной статье мы рассмотрим ее релевантность в свете темы виртуальности.

Согласно ставшим влиятельными в течение XX века философским интуициям, ограниченность модернистских интерпретаций субъектно-объектного отношения

⁴ Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами. // Вопросы философии, 2004, № 6, с.69.

⁵ Розин В.М. Личность и виртуальный субъект в пространстве дисплея и моды. – "Независимая газета", 25.01.2006.

выражается прежде всего в парадоксальном несоответствии нашего наличного опыта и субъектно-объектного деления этого опыта в когнитивном процессе. По отношению к последнему уровню объективности и объективации предстают, с такой точки зрения, как неподлинны. В основе этого представления находится тот факт (или то допущение), что теоретико-познавательное отношение к миру неизбежно связано с установлением дистанции между познающим и познаваемым, а также с исследованием действительности под углом зрения практических и познавательных целей человека. Подобное деление реальности предстает перед сознанием как технизация мировосприятия (М.Хайдеггер), из-за чего человек, воспринимая самого себя в качестве активного начала, субъекта деятельности, все явления действительности осмысливает по принципу "um – zu" (для чего, для какой практической цели они представляют интерес), производя при этом расчленение целостного бытия на различные сферы сущего. В повседневной активности человек манипулирует внутри этих сфер, все более отдаляясь от целостности бытия. Все "неподлинны" способы бытия и мировосприятия оказываются так или иначе связаны с анализом человеческого отношения к миру в терминах субъекта и объекта.

Одностороннее, во многом декларативное отрицание субъект-объектной модели восходит, как известно, к так называемому антигегельянскому повороту XIX века. Так, это отрицание осуществлял уже С.Кьеркегор. "Путь объективной рефлексии, – считал он, – превращает субъект в нечто безразличное... Путь к объективной истине уводит от субъекта, и, по мере того как субъект и субъективность становятся безразличными, истина также становится безразличной и это как раз называется ее объективной значимостью"⁶. Позиция Кьеркегора становится ясной в сопоставлении с его религиозными, этическими, эстетическими взглядами: он не может принять позицию, обесценивающую роль человеческой личности, прежде всего ее познавательную (в самом широком смысле) активность. Это интуитивное неприятие, впоследствии широко разделенное философами довольно различных направлений, имеет конкретное техническое наполнение, связанное с теоретическим противопоставлением объективность/субъективность. Многие позднейшие мыслители подчеркивали, что вопрос о том, какова вообще может быть природа объективности, в истории философии не получил окончательного ответа.

В связи с поворотом к языку поиск велся на пути нахождения надежного способа определять объективные суждения, т.е. суждения, констатирующие объективные факты и представляющие собой "неоспоримую точку контакта между знанием и действительностью"⁷. Однако для того, чтобы надежно устранить всякую субъективность, нужно уже заранее располагать ее определением. В наиболее общей форме этот вопрос может быть поставлен следующим образом. Объективность и соглашение (конвенцию) различают, например, так: оценочные суждения вида "Шампанское — очень вкусный напиток", не являются объективными просто потому, что существует широко распространенное соглашение, что это действительно так; иными словами, существует общепринятое соглашение о том, что это — истина, ибо шампанское, особенно брют, в самом деле весьма вкусно. Но если объективность

⁶ Цит. по: Гайденок П.П. Трагедия эстетизма: Опыт характеристики мирозерцания Серена Кьеркегора. М., 1970. С.9.

⁷ См.: Schlick M. The Foundations of Knowledge — in: Ayer A.J. (ed.) Logical Positivism. N.Y.: Free Press, 1959. См. также: Нейрат О. Протокольные предложения. — Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4; Карнап Р. О протокольных предложениях. — Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1.

представляет собой нечто большее или нечто иное, нежели простое соглашение, то что она такое? Так, мы часто думаем, что некоторые виды утверждений более (или менее) объективны, чем другие, потому что они связаны с различными метафизическими теориями или теориями познания, и одни представляются нам более аргументированными, чем другие. Например, этические суждения часто считаются менее объективными, чем утверждения о формах определенных физических объектов: "Это нечестный поступок" может считаться менее объективным утверждением, чем "Это квадратный стол". Однако следует ли отсюда, что мы должны признать объективность технической функцией принимаемых нами онтологических и эпистемологических концепций?

В философии действительно нет и, вероятно, не может быть единого мнения о том, как ухватить интуитивные различия в объективности. В первую очередь это относится к оценочным суждениям. Однако можно зафиксировать опорные позиции.

1. Скептическая позиция, в целом характерная для аналитической философии и известная в ней как нон-когнитивизм, гласит, что оценочные суждения, строго говоря, даже не могут быть истинными или ложными; они не фиксируют факты, но скорее выражают некоторое желание или склонность со стороны говорящего.
2. В субъективизме Нового времени ("эпоха модерна" по Хайдеггеру) оценочные утверждения — это суждения о человеческих желаниях или склонностях. В отличие от скептического нон-когнитивизма, в субъективизме оценочные суждения рассматриваются как способные быть истинными, но как способные быть таковыми в силу фактов о человеческих желаниях или склонностях.
3. Представители некоторых философских школ (например, антиреалисты) не соглашались ни со скептиками, ни с субъективистами, и пытаются найти другие способы определять или отрицать объективность.
4. Наконец, возможна позиция квазисубъектности, получившая название квиетизма — по направлению в религиозной философии, в котором идеал пассивного подчинения воле Бога доводится до требования быть безразличным к собственному спасению. С этой точки зрения, нет никаких значимых способов отличить объективное от не-объективного.

Рассмотрим эти подходы по очереди.

1. Интуитивно мы осознаем, что оценочные суждения вида "Нужно помогать несчастным" менее объективны, чем такие суждения, как "Этот стол является квадратным". В основе этой интуиции, с нон-когнитивистской точки зрения⁸, важна семантическая функция двух суждений таких типов. "Этот стол является квадратным" имеет функцию утверждения, что в мире имеет место такой факт. Если это так — если стол действительно квадратен, — то это суждение истинно; в противном случае оно ложно. С другой стороны, суждение "Нужно помогать несчастным" рассматривается здесь как имеющее другую семантическую функцию: несмотря на форму, его функция не состоит в утверждении, что в мире имеет место такой факт. Такое выражение не может быть истинным или ложным; скорее оно выражает склонность, желание или некоторое другое не-познавательное отношение говорящего, таким же образом, как междометия "Ура!" или "Эх!" просто выражают благоприятное или неблагоприятное

⁸ См.: Ayer A.J. *Language, Truth and Logic*. London: Gollancz, 1936 (классическая версия нон-когнитивизма); Blackburn S. *Spreading the Word*. Oxford: Oxford University Press, 1984 (современная версия).

отношение. Этические и другие оценочные суждения менее объективны, чем такие суждения, как "Этот стол является квадратным", поскольку последние могут быть истинными или ложными. Этические суждения не могут быть объективными в этом смысле по различным причинам:

- из-за неизбежных разногласий по моральным вопросам;
- из-за того, что моральные факты не являются ординарными фактами, подлежащими бивалентной оценке;
- из-за нормативного характера морального дискурса.

Однако и при таком подходе остаются трудности в определении объективного статуса, связанные с указанной выше необходимостью располагать заранее определением субъективности.

2. В связи с этим оказывается востребованным технический прием, позволяющий избежать круга в обосновании. Такая попытка содержится в субъективистском подходе, восходящем в "эпоху модерна" к Юму; в аналитических терминах, согласно этому подходу утверждения вида "Нужно помогать несчастным" могут быть истинными⁹: искреннее осознанное произнесение такого утверждения составляет истинное утверждение. Таким образом постулируется, что в этическом суждении утверждается, что некоторый факт имеет место в некоторой действительности. Согласно субъективизму, это факт о субъекте утверждения — о человеке, утверждающем нечто: когда я говорю, что "Нужно помогать несчастным", то я утверждаю, что я хочу помочь им. Этические суждения могут быть истинными, но факты, утверждения о которых в них содержатся, — это факты о нас, наших желаниях, склонностях и прочих субъективных состояниях. Когда я говорю, что "Нужно помогать несчастным", я подразумеваю тем самым, если я искренен, что я хочу помочь несчастным. Подобные элементы содержания сознания принципиально отличаются от таких утверждений, как "Этот стол является квадратным", которые, хотя и способны быть истинными, не могут быть рассмотрены в терминах фактов о человеческой субъективности. В этом смысле утверждение "Этот стол является квадратным" более объективно.

Глубочайшая проблема здесь связана с идентификацией субъекта. Например, если А говорит: "Нужно помогать несчастным", а Б говорит: "Не нужно помогать несчастным", то они не соглашаются друг с другом, действительно противореча друг другу. Но если А подразумевает, что "Я (А) желаю помочь несчастным", тогда как Б подразумевает, что "Я (Б) не желаю помочь несчастным", то никакого противоречия здесь нет. Концепция субъекта, следовательно, должна охватывать более широкий диапазон интенций, чем интенции того человека, который произносит рассматриваемое утверждение. Нужно допустить, что утверждение "Нужно помогать несчастным" буквально подразумевает "Большинство людей хочет помочь несчастным" — таким образом, чтобы содержание этого утверждения могло быть проинтерпретировано в терминах интерсубъективного соглашения об интенциях. Но здесь опять возникает проблема: согласно такой трактовке было бы противоречием сказать, что помощь несчастным правильна даже при том, что большинство людей не хочет им помогать. Но это не противоречие, а значит, даже этот, более широкий, вариант субъективистского объяснения не проходит.

⁹ См.: Smith M. The Moral Problem. Oxford: Blackwell, 1994.

3. Фундаментальные сложности, связанные с идентификацией субъекта, вызвали к жизни принципиально иной подход к решению проблемы объективности, абстрагирующий от субъекта и сосредотачивающийся на инструментальных средствах; в современной традиции он принял название антиреализма (М.Даммит¹⁰, К.Райт¹¹). Этот подход обусловлен, например, следующими соображениями. Допустим, что два типа утверждений могут быть истинными и при этом не являются антропоцентричными; можем ли мы при этом рассматривать их как равно объективные? С точки зрения антиреализма это не так, а различия в объективности могут быть установлены, не принимая ни нон-когнитивизм, ни субъективизм. Как мы можем различить типы утверждений "Нужно помогать несчастным" и "Стол квадратен", если считаем, что оба эти утверждения могут быть истинными, и что ни одно из них не подлежит субъективистскому анализу? Один из путей здесь состоял бы в том, чтобы развить аналог различия между первичными и вторичными качествами, в духе Локка. Как известно, для него первичные качества — объем, форма, расположение частиц, тогда как вторичные — цвет, звук, вкус и т.д. Вторичные качества являются таковыми в силу их способности "вызывать в нас различные идеи" — иными словами, потому, что наличествует определенное отношение между фактами о некоторых из наших субъективных состояний и такими утверждениями, как "Яблоко красное". Чтобы объяснить это отношение, в антиреализме допускается (восходящее к Пирсу) понятие лучшего суждения. Суждение, что объект является красным, является лучшим (оптимальным), когда оно сделано в условиях, которые являются оптимальными для того, чтобы оценить, действительно ли этот объект, в данном случае яблоко, красное. Эти условия могут быть определены, например, как: на улице, в тени, во время завтрака слегка пасмурным летним днем и т.д. Сказать, что краснота является вторичным качеством, означает сказать, что наши лучшие суждения о красноте объектов определяют объем понятия красноты. Таким образом, наши лучшие суждения о том, являются ли объекты красными, определяют, к какому классу объектов можно должным образом применить понятие красноты. В отличие от этого, первичное качество, как прямоугольность, — это то понятие, объем которого определен независимо от фактов о лучших суждениях о прямоугольности. Лучшие суждения в этом случае независимо обладают определенным объемом.

Такой способ различения типов утверждений отличается от субъективистского анализа: допущение о том, что краснота является вторичной, не эквивалентно допущению: "Утверждение «Яблоко красное» подразумевает, что при оптимальных условиях мы заключили бы, что яблоко красное". Здесь выдвигается лишь более слабое требование, согласно которому наши лучшие суждения определяют, входит ли это яблоко в объем понятия красноты. И в этом отношении введение аналога первичных и вторичных качеств может помочь избежать проблем, связанных с субъективизмом. С другой стороны, так как отсюда не следует отрицание того, что утверждение "Яблоко красное" может быть истинно, это помогает избежать проблем, связанных с нон-когнитивизмом. Разумеется, антиреалисты предлагают и другие способы установить различия в степени объективности; их объединяет понимание объективности как "объективности истины" (К.Райт): это означает, что суждения, принадлежащие к определенному классу, предстают объективно истинными в том случае, если они «могут быть для нас полностью интеллигибельны даже тогда, когда установление их истинностного значения может превышать наши когнитивные способности, пусть

¹⁰ Dummett M. Truth and Other Enigmas. London: Duckworth, 1978.

¹¹ Wright C. Realism, Meaning, and Truth. Oxford: Blackwell, 1986; Wright C. Truth and Objectivity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

идеализированные»¹². Таким образом, возможность наличия у этих утверждений истинностного значения не оспаривается, и при этом им не приписывается антропоцентричность.

4. Однако легитимность антиреалистской аргументации может быть оспорена при обсуждении витгенштейнианской проблемы следования правилу¹³, поскольку при нем ставится под вопрос "объективность значения" — взгляд, согласно которому «значение утверждения в действительности определяется для нас... в соответствии с соглашением, чему объективно соответствуют определения его истинностного значения — вне зависимости от составленного нами по этому поводу мнения»¹⁴. Значение утверждения налагает ограничения и выдвигает требования к тому, что может считаться правильным употреблением утверждения, и эти требования определяют, какие употребления являются правильными и неправильными, вне зависимости от нашего мнения. Затруднение состоит в том, что если при рассмотрении проблемы следования правилу выясняется, что значения не могут быть объективны в этом смысле, то под вопросом оказываются и те различные способы, которыми в антиреализме проводятся сравнения степеней объективности. Например, Райт считает, что объективность истины подразумевает объективность значения. Если рассмотрение проблемы следования правилу вынуждает нас отклонить объективность значения, то оно также вынуждает нас отклонить объективность истины; и если никакие языковые единицы не обладают объективной истинностью, то невозможно провести между ними сравнение. Аналогичным образом, поскольку истинность любого утверждения — это функция его значения вкупе с фактами, отклонение объективности значения может влечь за собой заключение о том, что все качества вторичны: сама возможность различения первичных и вторичных качеств окажется под вопросом. Из обсуждения следования правилу, таким образом, вытекает квиетизм в отношении объективности — представление, согласно которому в этом отношении не могут быть проведены никакие принципиальные, метафизически содержательные дистинкции. Здесь также возможно дальнейшее применение различных технических ходов¹⁵ с целью избежать квиетизма, но эти попытки, тем не менее, не восстанавливают метафизическую релевантность соотношения субъективность/объективность.

Резюмируя аналитическую критику субъективности, следует вспомнить, что язык является предметом пристального изучения в аналитической философии по той же причине, по которой идеи являлись предметом изучения для философов, начиная с XVI-XVII вв., когда сформировалось классическая концепция философского анализа: идеи в то время и предложения сейчас служат границей между познающим субъектом и знанием (вернемся еще раз к приведенной выше формулировке Шлика). Таким образом, переход от философской классики к периоду анализа связан с изменением объекта исследования: на место «идей» приходят лингвистические сущности — предложения, а впоследствии и более дробные единицы — термины, и более крупные — тексты. Последние служат также предметом структуралистского и постструктуралистского анализа, а теперь и философии информационных технологий, перед которой в числе прочих встает и проблема осмысления сетевых коммуникаций,

¹² Wright C. Realism, Meaning, and Truth. P.5.

¹³ Лебедев М.В. Проблема следования правилу в философии математики Витгенштейна. // В кн: Стили и методы математического мышления. СПб.: РХГИ, 1999.

¹⁴ Wright C. Realism, Meaning, and Truth. P.5.

¹⁵ Wright C. Truth and Objectivity; McDowell J. Mind and World. Oxford: Oxford University Press, 1995; Young J.O. Global Anti-realism. Avebury: Aldershot, 1995.

где тексты организуются в гипертексты и метатексты. Все эти виды анализа объединяются тем, что дискурс в них рассматривается как обладающий определенной автономностью, а познающий субъект сдвигается на периферию когнитивного процесса или вообще устраняется как собственно таковой. Возможности возврата к классической субъективности после этой критики уже не просматриваются, но по совершенно иным основаниям, нежели постмодернистское постулирование.

Говоря об анализе субъективности, невозможно не упомянуть позицию Д.И.Дубровского. Отмечая, что постмодернистское клише «децентрации» относится к весьма неопределенному «субъекту», который не имеет ясных логических связей с реальным многообразием субъектов, с надличностными субъектами разного уровня и плана, Д.И.Дубровский пишет: «Однако феномен децентрации относится не столько к собственно гносеологическому субъекту в его классическом выражении, сколько к аксиологическому и праксеологическому субъектам. Точнее, классические абстракции гносеологического субъекта, «очищаемые» от параметров ценности и активности, не способны выражать, описывать, объяснять те структурные и содержательные изменения, которые связывают с феноменом децентрации сознания. Теоретически корректное описание сознания вообще и децентрации сознания в частности должно производиться в четырехмерной категориальной системе: 1) онтологического, 2) гносеологического, 3) аксиологического и 4) праксеологического (активность, интенциональность, воля и т.п.), с учетом того, что они взаимополагаемы, но не редуцируемы друг к другу»¹⁶. Как представляется, эта позиция может быть дополнена: сохраняя ее принципиальный антиредукционизм, следует подчеркнуть, что варианты и механизмы взаимного полагания различных аспектов субъективности представляют собой неисчерпаемый источник исследований; возможно такое рассмотрение, при котором эти механизмы играют в структуре субъективности не вспомогательную, но **фундирующую роль**, и для современной когнитивистской проблематики, в первую очередь связанной с информационными технологиями, удельный вес такого рассмотрения возрастает. В самом деле, постмодернистский феномен децентрации истолковывается преимущественно в аксиологическом плане, в смысле инфляции ряда высших ценностей, падении их регламентирующей роли в структуре индивидуального сознания, затем эта характеристика приписывается некоторому не вполне определенному массовому субъекту, причем остается неясен не только субъект, которому приписывается это качество, но и то, в каком смысле и в каком отношении оно берется. И напротив, в аналитической критике субъективности ответы на последние вопросы играют основную роль: механизмы определения истинности оценочных и волевых суждений, сравнения степеней объективности, объективации языковых значений и т.д. выступают факторами, конституирующими самое субъективность, которая при таком рассмотрении с очевидностью отличается как от классической модели, так и, разумеется, от постмодернистской метафоры. Д.И.Дубровский указывает на фактическое присутствие обратного децентрации процесса — *рецентрации*, необходимой для сохранения личной идентичности в условиях информационного общества, где возникают существенные угрозы фундаментальным механизмам восприятия, рефлексии и саморефлексии. В этом отношении указанные аналитические критерии работают скорее на рецентрацию, чем на децентрацию субъекта, поскольку способны служить самоидентификации личности в референциально непрозрачных контекстах массовых коммуникаций и виртуальных реальностей. «Будучи особой формой бытия, виртуальная реальность формирует новые

¹⁶ Дубровский Д.И. Информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре. – В кн.: Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., «Стратегия-Центр», 2007. С.245.

потребности, гедонистические ориентации, фобии, роли и позы, игровые образы собственного Я. Возникает параллельная квазижизнь со *своими критериями реальности*, что порождает своего рода раздвоенность сознания, ценностно-смысловую, экзистенциальную децентрацию, перед которой пасуют обычные компенсаторные способы рецентрации (актуальное действие компенсирующего эффекта становится кратким и не достигает диспозиционального уровня)¹⁷. Таким образом, адекватное описание действительного процесса рецентрации — имеющего место постольку, поскольку успешно имеют место всевозможные виртуальные практики — требует проанализировать **субъективность как конституирование субъекта**.

Обратимся к феноменологической критике субъективности, развивавшейся параллельно с аналитической. Известно, что ряд феноменологов подверг критике весь тот этап в истории философии, начиная с которого появляется противопоставление субъекта объекту; в противоположность объективистской интерпретации истины, эти философы предложили ее специфическое толкование как лишь "способа бытия" человека. Когнитивная ситуация в таком понимании усложняется тем, что субъект уже не выступает исключительно как субъект в отношении к объекту, а предстает и предметом иных рассматриваний. В этой огромной теме для нас наиболее важно здесь обозначить проблемы феноменологического конституирования, и характерным в этом отношении, как представляется, выступает подход Ж.-П.Сартра. Верно, что постмодернистская критика субъекта (включая понятие симулякра, ныне обсуждаемое как модель виртуального субъекта) возникла и развивалась во многом именно как реакция на ту роль, которую Сартр приписывал сознательному эго, наделенному саморефлексией, конституирующему личную свободу и историческую активность индивида. В самом деле, в 1960-х годах, когда возник постмодернизм, Сартр подчеркивал, что исторические конфликты в борьбе за личную свободу составляют объективный базис для возрастания рациональности и самосознания субъекта. К этому времени политические события XX века окончательно опровергли традиционное для западной философии (включая марксистскую, на позициях которой Сартр — в этом отношении и в этот период — находился) отождествление универсальной человеческой субъективности с политическим самосознанием; более не представлялось возможным описывать европейский рациональный субъект как исторически обусловленное воплощение разума и свободы — на фоне чего вполне закономерно и возникло понятие симулякра. Менее закономерно представляется то, что на этом фоне оказалось проигнорированной теория рефлексии Сартра, намного более значимая для моделирования когнитивных процессов.

Сартр пытается соотнести различные уровни когнитивной субъективности — *cogito*¹⁸. Такими уровнями являются:

- "дорефлексивное *cogito*", которое не постигает субъект, личность как свой объект, оно безлично, несубстанционально и направлено лишь на внешнее;
- "рефлексивное *cogito*", в котором сознание направлено на самое себя.

¹⁷ Там же, с.246.

¹⁸ Здесь и ниже приводятся аргументы Сартра из работ "Трансцендентность эго" (рус.пер. - Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания. – Логос №3 (37), 2003) и "Бытие и ничто" (рус.пер. - Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., Республика, 2000).

Именно последний уровень, по мнению Сартра, реализует модернистские тенденции. Субъект в подобном случае сводится к уровню объекта, а сам принцип *cogito* превращается в инструмент логического анализа. Для адекватного самопознания человек должен дистанцироваться от себя самого, дабы застать себя мыслящим. Фундаментальная ограниченность философии Декарта состоит в том, как считает Сартр, что сознание отождествляется лишь с "рефлексивным *cogito*". Полагая, что при таком подходе все богатство личностной структуры сводится только к моментам рефлексии, Сартр предлагает вернуться к уровню "дорефлексивного *cogito*". Аналогичный посыл содержится в призыве Хайдеггера возродить тенденции "дометафизической эпохи", в которую отсутствовал субъектно-объектный дуализм — вернуться к архаичным практикам "солидарности".

Итак, несводимость субъекта к сознанию мыслится, с такой точки зрения, возможной лишь в том случае, если нет самосознания субъективности "Я" (*ego*). Проблема здесь заключается в том, чтобы избежать растворения личности в безличном, неподлинном (а при более сильных допущениях, рассмотренных выше в связи с аналитической критикой субъективности — неистинном, ложном). Развернутый вариант технического решения, предлагаемый Сартром, основан на том, что "Я" появляется только вследствие перехода безличного "дорефлексивного *cogito*" в "рефлексивное *cogito*". Отождествление этого "Я" с сознанием и превращение сознания в объект приводят к тому, что сразу же после своего возникновения "Я" подвергается самоотчуждению, обезличивается. Здесь возникает определенное концептуальное напряжение: личность предстает как своеобразный эффект при переходе одного уровня обезличенности в другой (который мы сегодня, возможно, сравнили бы с эффектом виртуализации). Все, что может быть подвергнуто объективации, объявляется силой, враждебной личности, поскольку она сводит на нет активность. Даже взгляд "другого" превращает меня в инертный объект, и вообще я способен воспринимать "другого", а "другой" — меня лишь в объектном качестве, в объектных измерениях. Деятельность, подвергающаяся объективации — манипулирование любыми формами предметности, социальные отношения, основанные, по мнению Сартра, на сугубо объектном принципе, все это интерпретируется как вариации неподлинного способа существования, как различные модификации "инертных практик".

Концепция субъекта Сартра строится в полемике с концепцией трансцендентального субъекта Э. Гуссерля. У Гуссерля субъект — это первичная и неразложимая феноменологическая очевидность, коррелятивная всякому содержанию создания и конституирующая опыт чистого сознания. Против этого взгляда и выступил Сартр, пользуясь тем же методом феноменологического описания данных эйдетической интуиции, что и Гуссерль. В опыте сознания интуиция, по мнению Сартра, не находит ничего похожего на "Я" (*ego*), которое было бы имманентно (на чем настаивает Гуссерль) актам сознания. Например, в акте чтения книги все, что дано непосредственно — это книга и ее содержание (персонажи, фабула и т.д.). Читающий субъект ("Я") появляется в поле феноменологической интуиции лишь тогда, когда данный акт сознания становится предметом рефлексии, т.е. сознания «второго порядка», превращающего в объект непосредственно сущую субъективность первоначального акта. Поэтому "Я" конституируется рефлексией и в качестве такового отнюдь не имманентно чистому сознанию, а трансцендентно ему, как и все остальные феномены мира. Таким образом, "Я" как бы «вытаскивается» в мир, утратив ореол некоей «сверхличной» субъективности, и ему возвращается значение чисто человеческой реальности. Первичная феноменологическая данность — поток сознания

— выступает безличной и анонимной, внутренне пустой и лишенной содержания, тогда как субъект может быть описан лишь в терминах бытия-в-мире.

Итак, вариант экзистенциализации *cogito* — снятие рефлексивных моментов в деятельности и мировосприятии субъекта и насыщение *cogito* феноменами пограничных практик, в том числе интерсубъективных. Однако представим себе модель, в которой "Я" в результате этих процедур не возвращается в мир наличного опыта, но переходит в некоторую реальность, описываемую интерсубъективными метаязыками — в виртуальную реальность. Такая трех-, а не двухуровневая модель *cogito* представляется более убедительной, по крайней мере, в некоторых отношениях: в частности, при объяснении социального бытия субъекта. Для решения этой проблемы Сартр и другие феноменологи пытаются вывести из индивидуального мировосприятия "неотчуждаемую социальность", которая противопоставляется неподлинности. Субъективность, с которой мы при этом сталкиваемся в этом случае, не является, по мнению Сартра, сугубо индивидуальной субъективностью: в *cogito* открывается не только моя самость, но также и другие. Посредством акта "я мыслю" мы охватываем нас самих перед лицом другого. Следовательно, человек, схватывающий себя непосредственно в *cogito*, открывает также и других, и он открывает их как условие собственного существования; таким образом мы приходим к проблеме интерсубъективности как одной из определяющих характеристик субъекта познания. Выражая в этом плане свое отношение к попыткам осуществить редукцию познающего субъекта в феноменологии Гуссерля, Сартр указывает на невозможность редуцировать "другого"; более того, "другой" — это единственное, что невозможно устранить при помощи редукции. Однако введение "другого" в *cogito* еще не решает всех проблем, с которыми сталкивается двухуровневая модель *cogito* при объяснении социальной природы познающего субъекта, поскольку существование "другого" является у Сартра доказательством не только социальности, но и отчужденности восприятия мной "другого". Каждый раз, когда предпринятое человеком или группой людей становится объектом для других людей, оно сохраняет собственную конечность в качестве реального единства и становится для тех, кто его осуществляет, внешним объектом, который стремится господствовать над ними и пережить их. Именно объективация объявляется первоисточником растворения активности субъекта в "инертной практике". Однако, как нам представляется, эта проблема отпадает после введения допущения о том, что **пострефлексивное трансцендирование "Я" выступает его виртуализацией**, определенным изменением онтологического статуса. Это изменение можно охарактеризовать в этом контексте так: пострефлексивный статус маркируется наличием интерсубъективной валентности, означающей открытость для коммуникации, тогда как дорефлексивный не наделен этим атрибутом, что означает его невыделенность из мира в этом отношении. Данное уточнение представляется нам важным указанием на сущностную характеристику коммуникативного субъекта — прежде всего виртуального субъекта сетевых коммуникаций, где она проявляется с особенной очевидностью.

Предложенное нами дополнение к модели Сартра сохраняет свой смысл и применительно к более общему подходу Хайдеггера, с которым она хорошо согласуется. В самом деле, анализ субъекта, предложенный Хайдеггером, предоставил рамочные интуиции для последующей феноменологической традиции; более того, с развитием этой традиции они вышли далеко за нее (в том числе, повлияли и на постмодернистскую критику субъекта). Хайдеггер объявляет одними из первых "метафизиков", абсолютизирующих разрыв между субъективным и объективным,

Декарта и Лейбница; следствием этого разъединения является перенесение центра тяжести на *cogito*, а все то, что противостоит *cogito*, рассматривается в качестве предметного. Человек как объект рассмотрения сводится в подобной модели к его предметной определенности, растворяясь тем самым в "инертности вещей". Эта модель лежит в основе хайдеггеровского понимания истории «эпохи модерна» (в уже упоминавшейся периодизации) как истории бесконечно утверждаемого господства субъективности. Такое понимание современности (модерна) заключается в принятии в качестве главного принципа интерпретации положения о том, что современным является отношение к миру, при котором человек заявляет о себе как о силе основания (основания своих поступков и представлений, основания истории, основания истины, основания закона); именно эта сила основания определяет субъективность в том смысле, что появление человека как субъекта указывает на его нахождение в качестве *sub-jectum*, «под-лежащего», на чьем основании отныне должно все покоиться. Хайдеггер пишет: «Как бы мы ни переосмыслили в историческом отношении понятие эпохи модерна и ее эволюции, каковы бы ни были политические, поэтические, научные и социальные феномены, на основании которых мы хотели бы объяснить современность, тем не менее никакая историческая рефлексия не может пренебречь существенными и дополнительными определениями этой истории: а именно, что человек в качестве *subjectum* самоорганизуется и заботится о своей безопасности, принимая во внимание свое самоутверждение в целокупности бытия; с другой стороны, что свойство бытия сущего в его целокупности должно быть понято как представимость всего того, что производимо и объяснимо»¹⁹. Следовательно, интерпретация модернистского гносеологического проекта, в оппозиции к которому находится пост-хайдеггерианская философия, подразумевает два пункта:

- утверждение человека в качестве субъекта и
- редукцию всякой реальности к тому, что для субъекта является объектом.

Человеческий субъект непосредственно присутствует для себя как центр мысли и действия, а об остальной части вселенной нужно думать как о собрании вещей, находящихся в распоряжении субъекта для изучения и манипулирования. Современность тогда на самом деле может быть целиком понята как эпоха субъективности, причем Хайдеггер стремится показать, каким образом все ипостаси этой современности в действительности являются «продолжениями» этого возведения человека в положение субъекта, все соотносится с царством субъективности или, что Хайдеггер считает тем же самым, с подъемом гуманизма, который на самом деле является лишь культурным выражением философского утверждения человека в качестве субъекта. Гуманизм, который, по Хайдеггеру, «не ставит еще *humanitas* человека достаточно высоко», заставляет видеть величие последнего «в том, что человек становится субстанцией сущего» в качестве его субъекта и «на правах властителя бытия»²⁰. Из всех основных характеристик культуры современности Хайдеггер выделяет «отказ от богов» — смерть Бога или разочарованность в мире. Соединение этого феномена при посредничестве гуманизма с появлением человека в качестве субъекта не вызывает удивления: то, что для античности и позднее в эпоху средневековья было «местом Бога», становится в эпоху модерна «местом человека», который требует (и это двойное требование определяет ценности модерна) двух традиционных атрибутов Бога:

¹⁹ Цит. по: Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. С.-Пб: "Владимир Даль", 2002. С.32.

²⁰ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 201—202.

- всеведения (отсюда представление современной культуры в качестве сциентистской; Хайдеггер упоминает об абсурдности ситуации, при которой наука настолько захватила все поле познавательной деятельности, что можно прийти к мысли, что для философии больше ничего не остается, кроме научного знания) и
- всемогущества (отсюда упор на технические параметры нашей культуры; в этом смысле, например, техническое отношение человека к миру вырастает из картезианского сведения природы к «протяженной вещи», — определение, на основе которого важнейшими характеристиками реальности становятся физикалистские, «материалистические»).

Критика гуманизма, морали и философской антропологии, опирающаяся на Ницше, и обуславливает предлагаемые Хайдеггером пути трансцендирования субъективности. В «Письме о гуманизме» Хайдеггер развивает мысль Ницше о «человеческом, слишком человеческом»: наука, техника, война не антигуманны — наоборот, они слишком пронизаны человеческими интенциями, включая волю к власти, т.е. стремление ко всемогуществу, в том числе на основе всеведения. Это ложные интенции, так как подлинное место человека в мире — быть хранителем «дома бытия».

Выше мы рассмотрели решение Сартра, основанное на гуссерлианской феноменологической технике, и его применимость к виртуализации субъекта. Сартр трансцендирует субъективность, работая с уровнями рефлексии, и приходит к выводу об интересубъективности как о неотъемлемом условии аутентичного познания и аутентичной экзистенции. Перекликающееся с этим предложение Хайдеггера о трансцендировании субъективности путем возврата к архаическим практикам солидарности, к «дометафизической» эпохе, можно считать также опирающимся на Ницше — не только в плане возврата к дионисийству, но и реализующим формулу «фактов нет, есть лишь интерпретации»: множественность интерпретаций обеспечивается интересубъективностью. Как будет выглядеть в этой связи предложенное нами допущение о виртуальности как онтологизации интересубъективности?

Можно ли говорить в этом отношении о более отчетливом трансцендировании «модернистской» субъективности, нежели осуществляемое в дискурсе, известном как постмодернистский?

Исходная интуиция здесь ясна: человек не одинок в мире, он бытийствует в мире совместно с другими. Исходя из первичности бытия-в-мире, вопрос о кто-присутствии Хайдеггер ставит в рамках со-бытия и со-присутствия. Необходимым условием экзистенции вновь становится интересубъективность, при которой способом защиты человека от самого себя становится признание другого с позиции универсальных ценностей («аксиологический субъект» Дубровского). Б.В.Марков так охарактеризовал предпосылки хайдеггерианской интересубъективности: «Гипериндивидуализм современности преодолевается попыткой помыслить: "как внутри имманентности в себе, определяющей субъективность, можно мыслить еще и трансцендентность нормативности, способную ограничить индивидуальность?". Речь идет о совмещении принципа автономии, понимаемого как независимость в отношении всякого иного, с требованием интересубъективности, предполагающим признание общих норм. В терминах феноменологии Гуссерля этот вопрос можно сформулировать как возможность мыслить трансцендентность внутри имманентности? Стоит заметить, что,

хотя различие трансцендентного и трансцендентального перестало рассматриваться как принципиальное, тем не менее в случае с Гуссерлем оно еще действует: когда при решении проблемы интерсубъективности он вводит понятие жизненного мира, то речь идет об "аналогизирующей апперцепции", посредством которой я ставлю себя на место другого. Другой является не трансценденцией, а моей конструкцией»²¹.

Вопрос о трансцендентности в имманентности, с которым в такой интерпретации оказывается связана проблематика интерсубъективности, совпадает также с проблематикой объективности, рассмотренной выше. Это, в конечном итоге, вопрос о том, как в рамках имманентности субъекта понимать нормы, которые я могу установить и которые, тем не менее, ограничивая мою индивидуальность, способны представлять ценность не только для меня (как индивида), но и для других. Это субъективные нормы, так как именно я их полагаю, но и интерсубъективные, трансиндивидуальные. При этом интерсубъективность здесь указывает на ту сферу трансперсональной ценности, к которой коммуникативно причастны другие. Именно так обстоит дело, например, в случае высказывания, согласно которому нужно помогать несчастным, в противоположность простому субъективному утверждению, что шампанское — очень вкусный напиток. Если проблему поставить таким образом, то она тесно переплетается с вопросом о конституировании объективности внутри субъективности, и, прежде всего, с вопросом о теоретической объективности, где он приобретает особую форму проблемы истины: как в рамках субъективности мы можем предположить когнитивное высказывание, имеющее ценность не только для нас (релятивизм), но и для всех? Но вопрос о конституировании объективности также ставится и в отношении конституирования практических объектов, то есть поиска пригодных целей, которые могли бы иметь абсолютную ценность и были бы таким образом объективно (или, так или иначе, *более чем субъективно*) практическими — иными словами, это вопрос о путях трансцендирования аксиологической (и, аналогичным образом, других видов — например, каждого из четырех указанных Д.И.Дубровским видов) субъективности. Для осмысления этого трансцендирования недостаточно указать, что его результатом будет объективность или интерсубъективность: как мы считаем, в центре такого осмысления должно быть отслеживание динамики субъекта — взаимное конституирование различных видов субъективности, рекурсивность онтологий, иерархичность рефлексивных статусов, характеристики коммуникативной вовлеченности и т.д.

Нам представляется, что определенный сдвиг в решении указанной проблемы может быть получен, если мы обратимся к ее рассмотрению в контексте синергетического дискурса. Напомним некоторые важные в данном случае его черты: это, во-первых, коммуникативность, понимаемая как нелинейный самоорганизующийся циклический процесс обмена психическими состояниями; процесс, в котором сопрягаются петли прямых и обратных связей, во вторых — открытость и креативность, и, в третьих, конструктивность и рекурсивность. При этом именно рекурсивность выступает тем конструктивным алгоритмом, посредством которого формируется интерсубъективная коммуникация в ее синергетическом (автопоэтическом) истолковании. Взаимосвязь таких ключевых понятий синергетического дискурса как *автопоэзис*, *коммуникативный процесс*, *рекурсия* в контексте темы субъективности и интерсубъективности нуждается в отдельном, более подробном рассмотрении; пока же ограничимся констатацией того факта, что рассмотрение интерсубъективности в

²¹ Марков Б.В. Между индивидуальностью и субъективностью. // В кн.: Рено А. Эра индивида.

синергетике, будучи ориентированным на коммуникацию и рекурсии, никоим образом не является редукционистским. Напротив, будучи междисциплинарным, оно с необходимостью включает в себя учет многих факторов — как социокультурных, так и внутринаучных, среди которых определяющую роль играют, с одной стороны, степень открытости философской мысли, ее готовности к диалогу, коммуникации и сотрудничеству в решении междисциплинарных (глобальных по самой своей природе) проблем современного развития, а с другой — степень рационального осознания насущной необходимости адекватного конструктивного решения этих проблем «здесь и сейчас». Следует подчеркнуть, что эти факторы тесно связаны между собой, поскольку степень «рационального осознания» и «философская открытость» очевидно взаимообусловлены, порождая вместе новое синергетическое качество постнеклассической синергийной intersубъективности, в которой воспроизведение себя и другого представляется рекурсивно-коммуникативным, фрактальным в широком смысле этого слова, процессом.

Уточняя эту постановку, следует отметить, что, как нам представляется, intersубъективность должна быть уяснена в контексте являющейся сегодня насущной задача осмысления феномена становления так называемого сетевого (информационного) общества. Актуальность этой задачи достаточна очевидна. В настоящее время повсеместно признается как комплексность, многомерность самой природы понятия сетевого общества, так и необходимость адекватного философско-междисциплинарного подхода к его осмыслению. Тем не менее, признания такого рода зачастую остаются всего лишь декларациями о намерениях, поскольку междисциплинарность в осмыслении концепта информационно-сетевое общество предполагает взаимосогласованное использование образов, представлений и методов и моделей дисциплин как естественнонаучного и технического, так и социогуманитарного профиля. А такое взаимосогласованное применение предполагает, помимо всего прочего, существование единой научной картины мира. В то же время сейчас такой общенаучной (междисциплинарной) единой картины мира (в смысле самосогласованной целостности), строго говоря, нет. Есть ее отдельные фрагменты, именуемые специальными картинами мира (дисциплинарными онтологиями) такие, например, как физическая, биологическая, космологическая картины мира, репрезентирующие предметы каждой отдельной науки²². Тем не менее ясно, что это не означает, будто нам следует отложить теоретическое — философско-мировоззренческое и методологическое — рассмотрение указанной проблемы до лучших времен, когда у нас сформируется единая картина физической и социальной реальности, ограничившись чисто эмпирическим подходом и констатациям существующего положения дел. Всякое откладывание попыток адекватного осмысления феномена становления информационно- сетевого общества в контексте текущего мирового развития «здесь и теперь», лишает нас возможности иметь достаточно надежные научные основания для выработки дальнейших стратегий общественного и научного развития. В то же время сами эти попытки в качестве необходимого ответа на современные цивилизационные вызовы оказывают стимулирующее воздействие на процесс самоорганизации единой картины мира.

Итак, синергийно осмысливаемая intersубъективность — это автопоэтически целостный, рекурсивный коммуникативный процесс, эволюция которого имеет принципиально контингентный, т.е. не жестко детерминированный, но и не случайный

²² См.: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С.217-231.

характер. Контингентность, как отличительная черта процесса эволюции понимаемой в свою очередь как многоступенчатый фракталоподобный процесс самоорганизации, просто означает, что он, в этом качестве, не имеет однозначной предписанности. Иначе говоря, процесс становления интересубъективности в синергетическом контексте — это особого рода коэволюционный процесс, который не является ни абсолютно необходимым, ни полностью случайным. Здесь мы имеем дело с весьма характерным для синергетического дискурса квазициклическим рекурсивным дрейфом, образующим ту лингво-перцептивную коммуникативную целостность культуры в широком смысле этого слова, в которой обитают «цепочки молекул интересубъективности». Или, говоря метафорически, обитают «гены культуры», ее мемы (Р.Докинз). Продолжая эту коммуникативную метафору, можно сказать, что автопоэтически интерпретированный мир синергетики выступает как путь преодоления разделенности, односторонности «альтруистически-женского» и «эгоистически-мужского» миров. Эта преодоленность по самой своей природе имеет символически-коммуникативный характер и для ее осмысленного нелинейного представления необходимо достаточно богатое многообразие различных взаимодополняющих друг друга языков и метафор. Здесь уместен и антропософский язык с использованием древних архетипов миров дарения и денег как миров, сопряженных с женским и мужским началами, а также метафоры «синергетической встречи» двух идеальных начал в мире эйдосов Платона, а именно: мира бифуркаций и мира аттракторов в общем мире теоретизаций физики и математики. Этот последний образ является настолько доминирующим, что до сих пор многим представляется, будто вся синергетика «живет» в детерминированном мире физико-математических идеализаций, моделей и абстракций. Но это не так, хотя бы уже потому, что все так называемые «синергетические встречи» — это коммуникативные взаимодействия разных субъектов, укорененных в разных контекстах и имеющих по самой своей сути рефлексивно-креативный, эмерджентный характер. Так, даже если оставаться в контексте языка представления мира физико-математического естествознания, их итогом оказывается «третий мир» динамического хаоса, открытый или, скорее, междисциплинарно сконструированный исследователями во второй половине прошлого столетия. Этот мир можно так же назвать миром «странных, хаотических аттракторов», или, что будет так же правильно — миром фракталов, фрактальных аттракторов. Не углубляясь в детали, ограничимся лишь некоторыми необходимыми в данном случае пояснениями. Третий мир как в качестве «нового», сконструированного мира, так и старого, «переоткрытого» не сводится к первым двум в том смысле, что он не есть продукт их исторического сложения или математического (топологического) умножения. Это нелинейный мир самоорганизующихся процессов и «человекомерных систем», а, тем самым, и мир состояний сознания. (Кстати, уже этим мир динамического хаоса отличается от рационалистической конструкции третьего мира К.Поппера). Здесь важно подчеркнуть, что необходимость включения в нелинейный мир самоорганизующихся процессов состояний сознания следует из соображений, имеющих уже скорее междисциплинарный, чем собственно философский характер.

Чтобы эти соображения были более понятными в их связи с синергетикой, подчеркнем, что традиционного понимания синергетики как методологии междисциплинарного исследования нелинейных процессов в данном случае особенно недостаточно. Синергетика — это еще и методология конструирования реальности, а потому она наиболее адекватна парадигме философского конструктивизма, располагающейся как минимум от Фихте до Эрнста фон Глазерсфельда. Дело в том, что синергетика эпистемологически позиционируется как методология «срединного пути», созвучная

когнитивной позиции личностного знания Полани-Маслоу²³. Эту особую «срединность» синергетики необходимо понимать как динамически сбалансированный процесс самоконструирования субъектом так называемой «реальности второго порядка», становящейся реальности, которая и определяет себя вполне синергетически между предельностями миров детерминизма и индетерминизма, локальной причинности и телеологичности, необходимости и случайности, стабильности и нестабильности, рациональности и интуиции.

Используя наглядные физические образы И.Пригожина, можно также говорить о мирах идеальных маятников, изначально находящихся в верхней точке неустойчивого равновесия и, соответственно, в нижней точке устойчивого равновесия. Этим физическим образам можно, в свою очередь, сопоставить образы математические, но так же в некотором смысле наглядные (по крайней мере, визуализированные), а именно: образы бифуркаций и аттракторов как ключевых характеристик фазовых портретов, описывающих динамические системы в абстрактных математических пространствах их конфигуративных состояний. Наконец, памятуя о человекомерности современной постнеклассической науки и, в частности, синергетики, было бы вполне уместно в этом ряду физико-математических коммуникативных сопряжений рекурсивно замкнуть наше рассмотрение понятия «виртуальность» на проблему «квантовая механика и сознание». Д.И.Дубровский, проанализировав соответствующие концепции Р.Пенроуза²⁴, Б.Лёвера²⁵ и др., пишет, что «в интересующем нас плане (объяснительные возможности квантовой механики в области психического) понятие сознания берется ... не в узких смыслах (осознавание текущего содержания, акт рефлексии и интроспективной уверенности, отчет от первого лица и др.), а, как правило, в широком смысле, включающем единство рефлексивного и арефлексивного, актуального и диспозиционального, когнитивного и эмоционального, операции использования содержания памяти, привычных мотиваций, различных состояний нашего «Я» и т.д.»²⁶. В самом деле, «из того, что мозг состоит из атомов и элементарных частиц, еще не следует, что высшие формы его деятельности должны объясняться квантовой механикой»²⁷. Однако то, что отсюда действительно, как нам представляется, следует — это актуальность максимально глубокого применения как метода философского анализа, так и динамического, синергетического подхода: проблема должна быть не только расчленена на столь дробные элементы, насколько способен дотянуться разум, но и необходимо должна быть исследована с учетом взаимодействия этих элементов на всех уровнях.

Подытожим сказанное.

Проблема субъективности в электронную эру характеризуется тем, что сегодня рассмотрение субъективности в целом, субъективности как таковой, а не только виртуальной субъективности, не может не быть сопряжено с исследованием когнитивно-коммуникативной деятельности человека, опосредованной сопряженными между собой элементами информационных технологий. Здесь два аспекта: 1)

²³ См.: Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФРАН, 1999.

²⁴ Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. — М., 2004.

²⁵ Loever B. Consciousness and Quantum Theory: Strange Bedfellows // Consciousness: New Philosophical Perspectives. — Oxford, New York, 2003.

²⁶ Дубровский Д.И. Бессознательное (в его отношениях к сознательному) и квантовая механика. — В кн.: Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. С.176.

²⁷ Там же, с.179.

симуляционное киберпространство (узкая виртуальность) и 2) информационное пространство (широкая виртуальность).

Новейшие компьютерные и сетевые технологии сегодня позволяют вести речь о создании особого виртуального мира, в котором реализуется эффект полного личного присутствия. Основную роль здесь играет возможность непосредственного воздействия на события. В симуляторах, тренажерах, компьютерных играх и т.д. этот фактор дополняется перцептивным — графическая динамика, звук и другие виды сенсорного воздействия. Здесь возможна обратная связь — например, очки в шлеме виртуальной реальности могут отслеживать движения зрачков, и в зависимости от этого регулируется подаваемый на восприятие поток визуальной информации. Однако уже в компьютерных играх по Интернету эта виртуальность становится полисубъектной. Так она подключается к широкой виртуальности, где референтной реальностью выступают информационные объекты — высказывания, тексты, образы, концепты и т.д., находящиеся в постоянном активном взаимодействии. Таким образом, виртуальность (киберпространство) как в узком, так и в широком смысле — это специфическая форма интерактивной коммуникативной реальности, являющая собой по сути альтернативу материальному миру. Поскольку киберпространство предполагает возможность непосредственных контактов с другими виртуальными субъектами, проблема коммуникации подлежит переосмыслению в этом контексте.

Среди психологических последствий применения информационных технологий — развитие и преобразование деятельности (когнитивной, креативной, коммуникативной, рекреационной и др.) за счет возникновения новых навыков, операций и способов выполнения действий, новых целевых и мотивационно-смысловых структур, новых форм опосредования и просто новых видов деятельности²⁸. Это позитивные свойства как широкой, так и узкой виртуальности. Вместе с тем психологи отмечают, что все чаще сталкиваются с негативными побочными эффектами применения информационных технологий — технострессами, компьютерофобией, "наркотической" зависимостью от игровых программ и Интернета, хакерством и сужением круга интересов, некоммуникабельностью и аутизмом как следствием патологической поглощенности применением информационных технологий²⁹. Исследователи фиксируют проблему, возникающую в результате активного использования виртуальных технологий, как **вытеснение социальности симуляцией**, что имеет место в случае полного ухода индивида в киберпространство от всех тревог и несовершенств реального мира. Нетрудно видеть, что такая проблематизация соответствует простейшей, постмодернистской трактовке виртуальной субъективности — при обращении субъекта в собственный симулякр он физически, телесно оставаясь в действительном мире, ментально переходит в мир виртуальный, пространство симулякров, где наделяется новым, виртуальным телом, которое может не иметь ничего общего с его телесностью. И напротив, в коммуникационном пространстве (широкая виртуальность) негативные последствия так или иначе связаны с различными способами манипулирования информацией³⁰, что соответствует характеристикам

²⁸ Войскунский А.Е. Групповая игровая деятельность в Интернете // Психологический журнал, т.20, №1, 1999.

²⁹ Смолян Г.Л., Зараковский Г.М., Розин В.М., Войскунский А.Е. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М.: ИСА РАН, 1997.

³⁰ См.: Аршинов В.И., Лебедев М.В. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии.

виртуального субъекта, которые могут быть выведены из современной философской традиции анализа субъективности —

- он конституируется своими коммуникативными валентностями;
- его активность в восприятии носит атрибутивный характер, в том числе и на intersubъективном уровне («аналогизирующая апперцепция»);
- он устанавливает и поддерживает истинность своих высказываний, выступающих созидательной границей — «неоспоримой точкой контакта» между виртуальным «Я» и виртуальной реальностью;
- коммуникативная intersubъективность описывается через рекурсивные онтологии.

Виртуальный субъект обретает собственное бытие, конституирует свою реальность, объективируя релевантные для него суждения. Для этого ему необходимо постоянно организовывать свой коммуникативный дискурс таким образом, чтобы эти суждения сохраняли интеллигибельность даже тогда, когда установление их истинностного значения может превышать виртуальные когнитивные способности. Это его естественный способ существования, поскольку его когнитивные акты открыты для intersubъективной рефлексии, в результате которой «эго» виртуального субъекта трансцендируется в конституируемую intersubъективными когнитивно-рефлексивными актами реальность — виртуальную (в широком смысле) реальность.

Описываемая таким образом виртуальная субъективность сама по себе не является исключительно инновационным представлением, поскольку потребность в создании так понимаемой виртуальной среды всегда была присуща человеку и отчасти находила воплощение в тех или иных формах творческой, генерирующей деятельности — искусстве, создающем вымышленные миры, науке, создающей научные картины мира, религии, создающей мир иной, и философии, успешно синтезирующей все эти созидательные интенции. Однако лишь с развитием информационной и электронной техники и утверждением сопутствующего этим процессам мировоззрения роль intersubъективности в этой креативной модели повысилась с дополнительной до основной, актуализуя переосмысление всех ее ключевых понятий. Обсуждая виртуальную субъективность, мы тем самым обсуждаем субъективность вообще, наше сегодняшнее представление о субъективности как таковой. Представляя ее, не следует забывать, что мы стоим на плечах гигантов, и чем полнее мы учтем историко-философский опыт в этой области, тем успешнее будут наши виртуальные стратегии.